
ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

НАУЧНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВО-СЕМИОТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ А. А. РЕФОРМАТСКОГО

© 2011 г. Е. А. Иванова

В статье рассматривается начальный этап научной деятельности А.А. Реформатского. Охарактеризованы многообразные контакты и влияния, во многом определившие сферу его интересов и систему его взглядов.

The paper deals with the early period of Alexander Reformatsky's scholarly work. His various contacts and other factors that essentially influenced the sphere of Reformatsky's interests and the system of his views are characterised.

Ключевые слова: Лингвистика и литературоведение; лингво-семиотическая теория; статус письменного языка; фонологическая концепция; ОПОЯЗ; Московский лингвистический кружок; М.А. Петровский, Д.Н. Ушаков, Г.Г. Шпет.

Key words: interrelation of linguistic and literary studies, semiotic approach to language, autonomous status of the written language, genesis of phonological views, Society for the Study of Poetic Language (Opoyaz), Moscow Linguistic Circle, Mikhail Petrovsky, Dmitry Ushakov, Gustav Shpet.

Вводные замечания

Составление историографического очерка, дающего ясное и полное представление об историко-культурном и научном контексте, в котором складывались взгляды А.А. Реформатского, сопряжено с определенными проблемами.

Во-первых, наибольшая трудность для исследователей, по-видимому, кроется в том, что становление А.А. Реформатского как ученого происходило в период бурного и очень плодотворного развития российского гуманитарного знания. И в лингвистике, и в литературоведении, и в других гуманитарных науках активно работали многие выдающиеся специалисты. Чтение их трудов, личные контакты с ними не могли не сказаться на формировании его творческой личности. Подстать эпохе был и необычайно широкий диапазон интересов самого Реформатского. В настоящее время можно назвать, пожалуй, всего два очерка, содержащих общую фактографию и анализ деятельности ученого [1; 2]. Заметим, что во всех имеющихся историографических исследованиях не ставилась задача сколь-нибудь исчерпывающей характеристики контекста, в котором выкристаллизовались взгляды ученого.

Во-вторых, недостаточная изученность начала профессиональной деятельности Реформатского привела к тому, что его научное наследие и характер его взглядов оцениваются фактически без учета двух десятилетий его жизни. Особенно

плохо освещено десятилетие между окончанием университета и началом фонологических занятий. Принято думать, что все это время, работая в издательствах и научно-исследовательских учреждениях полиграфической тематики (в частности, в НИИ ОГИЗа), Реформатский был практически полностью оторван от лингвистики. Получается, что после столь долгого перерыва он как-то сразу проявляет себя сложившимся специалистом, готовым к решению фундаментальных проблем фонологии, орфографии, терминологии, лингвистом с четкой методологической позицией и широчайшим кругозором.

Нами была предпринята попытка показать, что издательско-полиграфическая тематика была в 30-е годы органичной составной частью культурного строительства. А сам Реформатский – одной из ключевых фигур этого процесса. Его деятельность была связана с решением таких важнейших проблем, как разработка алфавитов, нормализация орфографии, создание терминологии, унификация транскрипции, создание научных основ издательского дела, стандартизация школьных учебников и др. [3, с. 101–173]¹.

¹ См. также: Иванова Е.А. Исследования А.А. Реформатского в области полиграфии книги и его становление как лингвиста (к 110-летию со дня рождения Александра Александровича Реформатского) // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 112–120.

Всё это позволяет говорить о методологическом единстве подходов Реформатского к решению теоретических и прикладных задач, что привело его сначала к формированию оригинальной лингвосомиотической теории печатного текста, а затем позволило плодотворно участвовать в решении базовых лингвистических проблем.

Задача данной статьи – очертить основные контуры начального периода становления лингвистических и семиотических взглядов А.А. Реформатского. Везде, где позволяет материал, мы основываемся на его собственных свидетельствах.

1. Университет. Взаимодействие лингвистических и литературоведческих интересов

В 1918–1923 гг. Реформатский учился в Московском университете. Возникшие тогда предпочтения и научные контакты стали затем фундаментом его оригинальной и энциклопедически многогранной научной деятельности.

Его первые студенческие годы совпали с характерными для эпохи серьезными структурными изменениями внутри университета. В мае 1919 г. был создан факультет общественных наук (ФОН), на который с историко-филологического факультета было перенесено историческое отделение. Филологический факультет остался самостоятельным подразделением, но в 1921 г. и он подвергся реорганизации, превратившись сразу в два отделения все того же ФОН: литературно-художественное и этнолого-лингвистическое [4, с. 21; 5, с. 351]. Вот почему, поступив на историко-филологический факультет Московского университета, Реформатский закончил этнолого-лингвистическое отделение ФОН (см.: [2, с. 7; 6, с. 584]). Между “литературным” и “лингвистическим” выбор был сделан в пользу второго. Однако характерной чертой его университетского периода является как раз взаимосвязь и взаимодействие обеих областей – литературоведения и лингвистики.

Первоначально Реформатского привлекло литературоведение. Одним из первых его учителей был П.Н. Сакулин [7, с. 106], занятия с которым продолжались до 1922 г. В “Сакулинском кружке” Реформатский в ноябре 1921 г. прочел свой первый научный доклад о композиции повести Достоевского “Игрок” [2, с. 7–8]. По словам В.А. Виноградова, занятия в семинаре были для Реформатского “полезной школой лекторского мастерства и научной дискуссии” [2, с. 7–8].

П.Н. Сакулин, вернувшийся в Московский университет после февральской революции 1917 г.

(в 1911 г. он был среди тех, кто вышел из состава преподавателей Московского университета, протестуя против реформ тогдашнего министра просвещения Л.А. Кассо), читал лекции по истории и теории русской литературы. Ученик Н.С. Тихонравова и А.Н. Пыпина, Сакулин наследовал традиции культурно-исторической школы. Его отличал широчайший энциклопедизм и стремление к обобщающей интерпретации историко-культурного материала. В 1920-е гг. он “раскрылся как теоретик и методолог литературоведения” [8, с. 455]. О направлении и размахе его поисков достаточно красноречиво говорят заглавия трех его последних книг: “Синтетическое построение истории литературы” [9], “Социологический метод в литературоведении” [10], “Теория литературных стилей” [11].

В конце жизни, беседуя с В.Д. Дувакиным, Реформатский вспоминал о Сакулине достаточно скептически: “Надо сказать, что мне приходилось много сталкиваться с Пал Никитичем Сакулиным до начала двадцать второго года. Вот и по кружку² и по университету. Он читал какие-то странные курсы” [13]. Странность этих курсов Реформатский видел в “безразличном синтетизме”, эклектике, хаотичности. Но можно думать, что этот скептицизм не был у Реформатского поздним приобретением, а возник уже в 20-е гг. Аргументом в пользу такого предположения могут служить высказывания о работах Сакулина, сделанные в 1925 г. другим представителем молодого поколения филологов, – Г.О. Винокуром [14, с. 91–92], уже с 1922 г. ставшим одним из ближайших друзей и научных единомышленников Реформатского (см. следующий раздел).

О литературоведческих склонностях студента Реформатского говорят и его занятия с М.А. Петровским, читавшим лекции по романской филологии и истории средневековой литературы. Но Реформатского привлек семинарий М.А. Петровского “Композиция новеллы у Мопассана” (ср. одноименную статью [15]), который он начал посещать в 1921–22 гг. (см.: [2, с. 8]). Эти занятия, проводившиеся, по оценке современного исследователя, в русле немецкой “телеологической традиции” [16, с. 260], ориентированы были уже не на реконструкцию широкого круга историко-литературных феноменов (как у Сакулина), а на аналитическое описание отдельного текста.

Именно участие в семинарии Петровского, а также воздействие его докладов (напечатанных

² Об участии П.Н. Сакулина в работе МЛК дают представление аннотации протоколов заседаний, приводимые в работе [12].

позднее, см.: [17; 18]) способствовали написанию Реформатским первого опубликованного им научного исследования “Опыт анализа новеллистической композиции” [19; 20], открывавшегося благодарностью учителю “за все советы и указания, положенные в основание этой работы” [20, с. 557]. “Опыт анализа...” составлен из двух докладов Реформатского о композиции новеллы “Un coq chanta” (“Петух пропел”) Мопассана. Первый, теоретический, был сделан на Сакулинском семинаре, а второй, “содержащий конкретный анализ”, в семинаре Петровского и в ОПОЯЗе [2, с. 8].

О некоторых собственно лингвистических темах, затронутых в “Опыте анализа...”, будет сказано в следующем разделе (в связи с другим влиянием, испытанным молодым ученым). Здесь же отметим, что брошюра 1922 г. (вместе с исследованиями Петровского) до сих пор находится в поле зрения историков теории сюжета и композиции, а некоторые исследователи даже считают ее идеи более плодотворными, нежели классические построения Б.В. Томашевского (см.: [16, с. 259–263]).

“Опыт анализа...”, как и центральная работа издательско-полиграфического цикла – “Техническая редакция книги” [21] (далее ТРК), отчетливо указывают на наличие единого научного подхода к изучаемому объекту. И в том, и в другом случае это описание структуры текста (в ранней работе – композиции новеллы, в следующей – печатного оформления, отражающего структуру и содержание текста) и особенностей ее функционирования.

Но к моменту выхода “Опыта анализа...” Реформатский уже предпочел продолжать учебу не на литературном, а на этнолого-лингвистическом отделении ФОНа, т.е. специализировался по лингвистике.

Первые пропедевтические лингвистические курсы он слушал у двух непосредственных учеников Ф.Ф. Фортунатова – Д.Н. Ушакова и В.К. Поржезинского. Характерно, что в педагогической сфере между этими выдающимися учеными сложилось своеобразное разделение: В.К. Поржезинский первым выделил “Введение в языкознание” как особый учебный предмет и строил его как чисто лекционный курс. Ушаков же, прежде чем сам стал читать лекции по этому курсу, разработал систему практических занятий, давших затем начало знаменитому просеминарию по языковедению, в котором занимались и Реформатский, и другие видные представители второго поколения Московской лингвистической школы

(МЛШ) – “ушаковские мальчики”. Отличались и научные основы: Поржезинский основную задачу лингвистики видел в истории языка, Ушаков же признавал равноправие описательного, исторического, сравнительного и социологического подхода к языку [5, с. 347–348].

Очень быстро интересы Реформатского начинают склоняться в сторону конкретного языкового материала в противовес лингвистическим абстракциям, в сторону живого современного русского языка, в противовес компаративистическим штудиям. И именно Д.Н. Ушаков оказывает на него в этом отношении большое влияние. Впервые Реформатский увидел Д.Н. Ушакова «на знаменитом и традиционном его “просеминарии” по русскому языку, где молодые лингвисты получали гораздо большее крещение, чем на лекциях по “Введению в языковедение”, которое читал очень учено, но не слишком увлекающе высокообразованный В.К. Поржезинский» [22]. Из обсуждавшихся на занятиях у Ушакова тем Реформатский вспоминал позднее: «и звуки и буквы, и “вещественное и формальное значение”» [22].

В 1922 г. Реформатский, как и другие студенты, был привлечен Ушаковым “к выборке лексического и грамматического материала из сочинений писателей XX века для нового словаря. Это был первый этап работы над будущим Ушаковским словарем <...> Вот тогда началась эта работа, но потом она на долгие годы прекратилась. Мне достался материал – тексты Пришвина. Я впервые и в обязательно медленном чтении, поскольку так это надо было по работе, познакомился с этим замечательным писателем” [13].

В июне 1923 г. Реформатский окончил университет. Его выпускной работой, написанной под руководством Д.Н. Ушакова, были “Материалы к описанию языка Курбского” [6, с. 584].

Характерно, что научные интересы начинающего ученого – и в литературоведении, и в лингвистике – развиваются практически в одном направлении. Ненаблюдаемым, постулируемым объектам (историко-литературный процесс, литературный стиль, праязык) Реформатский предпочитает объекты конкретные, наблюдаемые (новелла, звук, слово), а умопостигаемым обобщениям – скрупулезный и точный (“формальный”) анализ фактов. Не случайно определение “формальный” в 1910–1920-х гг. прилагалось не только к известному направлению в литературоведении, но и к фортунатовской (Московской лингвистической школе) [23, с. 743].

Сказанное подтверждается и тем, как сам Реформатский объяснял свой “отказ от литерату-

роведения и переход всецело на лингвистические рельсы”: “надо *изучать данность, а не то, что за ней стоит*. Данность – это текст и его морфология. А текст – это, прежде всего, язык. И хорошим поэтиком, специалистом по поэтике, может быть лишь тот, кто хорошо и правильно понимает язык” [13] (курсив мой. – Е.И.)

Среди тех языковых единиц и явлений, исследованию которых Реформатский мог научиться у Ушакова, текста не было и не могло быть: такого понятия вообще не существовало в арсенале тогдашней лингвистики. Но композиция, которую он изучал с Петровским, была свойством именно текста, и потому появление этого понятия у Реформатского очень естественно.

В его лингво-семиотических трудах, да и едва ли не во всех прикладных работах полиграфического цикла, текст будет одним из базовых, краеугольных понятий. В них Реформатский будет всегда демонстрировать прекрасное знание самих литературных текстов, их типологии, особенности их публикации. Всем этим он обязан своеобразному сочетанию литературоведческих и лингвистических интересов в университетские годы.

2. ОПОЯЗ. Наблюдения над графическими приемами передачи структуры текста

Не в меньшей степени становление научных интересов Реформатского связано с его участием в двух научных объединениях, сыгравших важную роль в развитии отечественной науки, – ОПОЯЗе и МЛК.

Парадоксальным образом именно знакомство с ведущими деятелями этих совсем не академических объединений сохранило Реформатского для Университета и для лингвистической науки. В 1920 г. Реформатский, уже ушедший из Университета, поступил в “театральную школу при театре Мейерхольда (Театре РСФСР I)”. Но там преподавали Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, О.М. Брик, и молодой театрал “так увлекся лекциями”, что вернулся в Университет ([24, с. 24], ср. также [25, с. 15]).

Р.О. Якобсон в том же году уехал работать в Прагу, а “личное общение с О.М. Бриком и В.Б. Шкловским” А.А. Реформатский на склоне лет отметит [25, с. 15] как важный момент своего научного развития. В.Б. Шкловский жил в основном в Петрограде, а вот контакты с О.М. Бриком на несколько лет стали постоянными и очень тесными. В начале “Опыта анализа новеллистической композиции” сразу за цитированной выше благодарностью университетскому учите-

лю М.А. Петровскому следовала благодарность О.М. Брику за “ценные замечания, которыми я воспользовался в настоящей редакции... работы” [20, с. 557].

О.М. Брик являлся издателем “Сборников по теории поэтического языка” (1916–1917), и именно в его петроградской квартире на масленицу 1917 г. было организационно оформлено создание Общества изучения поэтического языка – знаменитого ОПОЯЗа [26, с. 12]. Переехав в 1919 г. в Москву, Брик сначала активно включился в работу МЛК (см. аннотации протоколов заседаний [12]), а затем стал организатором и создателем московского отделения ОПОЯЗа.

Часто бывая в 1921–1922 гг. у Бриков в Водопьяном переулке, Реформатский оказался в самой гуще Московского ОПОЯЗа. Показательно, что “Опыт анализа новеллистической композиции” [19; переиздания: 27; 20] был издан при поддержке О.М. Брика и стал первой публикацией Московского ОПОЯЗа. В 1923 г. тот же О.М. Брик напечатал в “ЛЕФе” рецензию Реформатского на работу В.В. Виноградова о “Двойнике” Достоевского [28]. Реформатский вспоминал об общении и занятиях с Бриком так: «Это было очень интересно. Мы главным образом занимались анализом разных новелл. Начиная с пушкинских “Повестей Белкина”» [13].

Думается, однако, что воздействие Брика на юного собеседника было значительно шире. У автора знаменитой работы “Звуковые повторы” [29, 30] можно было учиться выявлять мельчайшие текстовые переключки, строить классификации. Наверняка возникала в их беседах и проблематика прочитанного Бриком еще в Петрограде доклада “Ритм и синтаксис” (позднейшая частичная публикация – [31]). Оказавший глубочайшее воздействие на стиховедческие труды Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского (см.: [32]) этот доклад Брика совсем с другой стороны, но столь же несомненно сказался в ТРК, в новаторском разделе о пределах графического расчленения заголовков (см. об этом: [21, с. 139–144]). Связана с уроками Брика, по-видимому, была статья Реформатского “Стих и синтагма”, 1928 (см.: [33]).

Брик несомненно способствовал вхождению молодого Реформатского в общий круг идей ОПОЯЗа. Деятельность этого объединения начиная с первых работ В.Б. Шкловского – “Воскрешение слова” и “Искусство как прием” [34; 35] – привычно связывают, прежде всего, с провозглашением и разработкой формального метода. И сам Реформатский подчеркивал позднее, что идеи МЛК и общение с Бриком и Шкловским “толкну-

ли” его именно к “формальному методу в поэтике и к внедрению этого метода в лингвистику” [25, с. 15].

Но столь же важно в работе ОПОЯЗа и зарождение функционального подхода к языку. А.А. Леонтьев справедливо указывал, что выдвинутое в книжке Шкловского [34] разграничение практического и поэтического языка уже в 1916 г. было переосмыслено Л.П. Якубинским как “частный случай функционального многообразия речи, никак не сводимого к чисто языковым дифференциальным характеристикам и даже – к различному отношению говорящего к своему языку” [36, с. 5]. Действительно, в статье Якубинского “О звуках стихотворного языка” [37] соотношение поэтического и практического языка было описано через понятие “цель общения”: “Явления языка должны быть классифицированы с точки зрения той цели, с какой говорящий пользуется своими языковыми представлениями в каждом данном случае. Если говорящий пользуется ими с чисто практической целью общения, то мы имеем дело с системой практического языка (языкового мышления), в которой языковые представления (звуки, морфологические части и пр.) самостоятельной ценности не имеют и являются лишь средством общения. Но мыслимы (и существуют) другие языковые системы, в которых практическая цель отступает на задний план (хотя может и не исчезать вовсе) и языковые представления приобретают самоценность” (цит. по: [38, с. 163]). Эта функциональность (телеологичность) квалификации и анализа лингвистических явлений была, как представляется, усвоена молодым Реформатским.

Показательно в этой связи такое замечание в начале второй главы “Опыта...”: “Вся установленная структура может квалифицироваться телеологически, тогда компоненты расцениваются по их функциональной значимости, относительно некоего ядра, развернутого в данное построение” [20, с. 562]. Именно на функциональной основе в ТРК будет строиться типология многообразия книжных изданий (см.: [3, с. 174–199]). А полиграфическая продукция молодежи начала 1930-х гг. в восьмой главе ТРК будет подвергнута критике именно за отказ от принципа “целесообразного выражения” (курсив мой. – Е.И.)

Посещая квартиру Бриков, Реформатский не мог не познакомиться с В.В. Маяковским. И тут следует особо отметить его мемуарное свидетельство: «Раз как-то пришлось мне помогать Маяковскому читать корректуру перед его отъездом

за границу. Это были сборники стихов, каких – я сейчас не помню³. Но меня сразу поразило, когда я читал корректуру, то, что у него нет ни запятых, ни точек, ничего такого. Я спросил: “В чем же дело, Владимир Владимирович?” А он говорит: “А Вы знаете, моя пунктуация – это вот то, что называют “лесенки”. А остальное – дело редактора и корректора. Как надо, пускай они ставят». Я запомнил это выражение. Расставлял ему, где надо, точки, точки с запятой и запятые. А позднее в одной работе уже шестидесятых годов этот наш разговор я опубликовал. Он существует в сборнике Института славяноведения. Потому что, как мне кажется, тут есть интерес и некоторый теоретический, начало которому положил Роман Jakobson, который когда-то писал о стихе Маяковского и синтагмах. Это была одна из его идей» [13].

Этот рассказ, обычно приводимый исключительно как свидетельство близости Реформатского к великому поэту, позволяет увидеть истоки одного из важных научных открытий молодого ученого. В ТРК и других работах издательского цикла Реформатским будут развиты идеи функционального равноправия между собственно пунктуационными знаками и пространственно-графическими способами передачи соответствующих значений (в частности, оформления заголовочных элементов, графической акцентуации восклицаний, оформления отдельной строкой синтагм и некоторых других). Позднее это открытие будет подхвачено в исследованиях пунктуации – в расширительном ее значении (см. [40–42]).

Приведенный эпизод позволяет предположить, что внимательное чтение авангардной поэзии и прозы тех лет было одним из источников повышенного внимания молодого Реформатского к проблеме полиграфической репрезентации текста и ее значимости для обеспечения полноценного понимания его содержания. В “Опыте...” [19] находим следующий тезис и пример исторического развития средств печатного языка: «... важно обращать внимание на типографские членения: части, главы, абзацы. Исторически это членение дифференцируется и из типографского приема становится композиционным (сравнить тексты XVIII в., когда все писалось слитно, и напр. “Преступление Николая Летаева” А. Белого)» (цит. по: [20, с. 559]).

³ Возможно, имеется в виду сборник “13 лет работы”, вышедший в октябре 1922 г., непосредственно перед отъездом Маяковского в Берлин, а потом в Париж [39]. Однако сам Реформатский указывает, что речь идет о 1923 г. (см.: [40, с. 215, сноска]).

Начиная с 1923 г. Реформатский практически перестает видаться с О.М. Бриком. Резко меняется и его отношение к ОПОЯЗу. Его начинает привлекать “более глубокая наука, чем та игра в науку, которая была в ОПОЯЗе” [13]. Любопытным образом охлаждение Реформатского к Брику и ОПОЯЗу совпало по времени с началом издания журнала “ЛЕФ”, вокруг которого консолидировались футуристы и опоязовцы (подробную хронологию организационного периода журнала см.: [26, с. 21–23]). Главной организующей фигурой и одним из основных теоретиков в новом журнале стал именно Брик. Возможно, Реформатскому с его традиционными культурными корнями оказались чужды и сектантство, и культурный нигилизм, заметно ощущавшийся в “ЛЕФЕ”. Во всяком случае, отрицательное отношение к нему он сохранял довольно долго.

В восьмой главе ТРК “Титульные данные и титульные элементы книги”, в параграфе, посвященном оформлению обложки, и некоторых других работах полиграфического цикла, в которых речь шла об оформлении титульных элементов книжных изданий, этот протест против формализма и футуризма вообще, а также Шкловского и Крученых в частности, достиг очень высокой степени. Здесь им даны чрезвычайно резкие характеристики. Даже если вычесть неизбежные для 1930-х гг. идеологические напластования, приходится признать, что с теоретиками “приема как такового” и графического своеволия Реформатского разделяли именно принципиальные соображения семиотического характера (о его “правилах графического выражения” и понятии “защиты” содержания текста см. в [3, с. 200–244]).

3. МЛК. Зарождение семиотического подхода к исследованию языка

Сходный путь разочарования в ОПОЯЗе и футуризме двумя годами позже прошел поначалу сотрудничавший в “ЛЕФЕ” старший коллега и друг А.А. Реформатского Г.О. Винокур (см.: [14, с. 90–98; 43, с. 64–67]).

Винокур по возвращении в Москву стал председателем и активным участником Московского лингвистического кружка, в котором сотрудничал и Реформатский. Можно предположить, что их общее разочарование в той “игре в науку, которая была в ОПОЯЗе”, было связано как раз с их работой в МЛК и с общим направлением эволюции этого научного объединения в последнее трехлетие его существования (1922–1924).

Изучение МЛК в историко-лингвистической науке долгое время отставало от изучения ОПОЯЗа. В последние годы это отставание в значительной степени преодолено (см.: [44; 12; 45] и др.).

Наиболее существенные для МЛК темы и методологические подходы охарактеризованы в заметке М.И. Шапира следующим образом: «<...> сильной стороной Московского лингвистического кружка был, в первую очередь, не широкий диапазон интересов, не привлечение неизвестных фактов, а умение посмотреть по-новому на старое и, казалось бы, хорошо известное <...>. Члены МЛК в большинстве своем имели хорошую методологическую и теоретико-лингвистическую подготовку. Они внимательно следили за всеми достижениями западноевропейской лингвистической мысли <...>. Якобсон уверял, что “из М. л. к. пришли первые толчки к дальнейшему развитию фонологической проблематики и в московской, и в пражской языковедческой среде” <...> Члены МЛК были очень внимательны к структуре знака и его внутренней форме; они проводили строгое различие между Sinn и Bedeutung, между Begriff и Gegenstand, или (в терминах “Логических исследований” Э. Гуссерля) между dinglicher Bezug и deutlicher Bezug (то есть между денотатом и сигнификатом)» [46, с. 363–364].

В той же работе находим следующую характеристику расхождений МЛК с ОПОЯЗом: “...анализ искусства есть анализ форм выражения, словесных форм <...>. Однако говорить о формализме МЛК можно лишь с оговорками. Формализм понимает содержание как форму и ищет оформленности содержания; структурализм понимает форму как содержание и ищет содержательности формы. В первом случае содержание берется как данность, а описание языка (формы) остается целью; во втором случае исходной точкой оказывается форма (язык), исследование которой должно привести к овладению эстетическим содержанием. <...> направление МЛК следует определить скорее не как формализм, а как предструктурализм: членами кружка форма рассматривалась, в первую очередь, в оппозиции к содержанию, а не к материалу. <...> В МЛК предпочитали говорить не о различных функциях одного языка, а о разных функциональных языках, среди которых совершенно особое место занимал язык поэтический, то есть язык в его эстетической, или, как стали говорить позже, в его поэтической функции – язык с установкой на выражение. <...> Именно к МЛК восходят лучшие традиции русского структурализма и семиотики” [46, с. 364].

Многое в этих характеристиках МЛК заставляет вспомнить об особенностях научных интересов и исследовательском стиле А.А. Реформатского: и “умение посмотреть по-новому <...> на хорошо известное”, и пронесенные через всю жизнь занятия русской фонологией, и внимание “к структуре знака и его внутренней форме”, и понимание языка как “исходной точки” для исследования литературного произведения (см. раздел 1). Да и в лингво-семиотической теории молодого Реформатского форма рассматривалась в корреляции именно с содержанием, а не с материалом (см. [3]).

К сожалению, конкретные данные об участии Реформатского в деятельности МЛК пока скудны. Известно, что Реформатский был членом-соревнователем МЛК в 1922–1923 гг. [7]. Но не исключено, что он посещал заседания и раньше. В своеобразной хронике Кружка за 1919–1924 гг., подготовленной Г.С. Баранковой, отмечено лишь одно выступление Реформатского в прениях – 9 июня 1922 г. по докладу В.М. Жирмунского “Композиция лирических стихотворений” [12, с. 373]. Обратимся к позднейшим воспоминаниям ученого о том, кто из членов Кружка был ему в молодости ближе других.

В беседе с В.Д. Дувакиным Реформатский сказал, что еще в университете он сблизился “с некоторыми старшими товарищами по годам, но не по курсам. <...> Это были Александр Ильич Ромм <...>, Максим Максимович Кенигсберг <...> и Григорий Осипович Винокур <...>. Они меня вовлекли в основанный еще в тысяча девятьсот пятнадцатом году Московский лингвистический кружок – МЛК – зачаток будущего Пражского лингвистического кружка” [13].

Участие трех названных ученых в работе МЛК документировано в хронике [12] несравненно полнее, а частично и было предметом самостоятельного изучения. Можно высказать гипотезу, что с каждым из них связано особое направление воздействия МЛК на молодого Реформатского.

А.И. Ромм (см. он нем: [47]) выступал в МЛК по многим темам, непосредственно волновавшим Реформатского. Но вряд ли мы ошибемся, если предположим, что самым важным и ключевым вкладом была его работа по пропаганде важнейшего для молодых языковедов 1920-х гг. произведения западной лингвистической мысли – “Курса общей лингвистики” Ф. де Соссюра. В 1922 г. вышло 2-е французское издание этого труда, а уже 5 марта 1923 г. в Кружке состоялось оживленное обсуждение [12, с. 324]. Ромм был не единственным выступавшим, но его роль была особой, по-

тому что именно он предпринял в 1922–1923 гг. первую попытку перевода “Курса” на русский язык (см.: [48]).

Идеи “Курса” для ТРК и формирования всей лингво-семиотической концепции Реформатского имели огромное значение (см. об этом в [3]).

Показательно, что приверженность идеям Соссюра и неприятие всякой недооценки этих идей в дальнейшем сделали А.И. Ромма одним из принципиальных противников М.М. Бахтина. Через год после выхода книг “Марксизм и философия языка” он набросал черновые заметки для рецензии на эту книгу [49]. Они свидетельствуют, насколько неприемлемым было для Ромма бахтинское следование идеализму и субъективизму Фосслера и насколько последователен Ромм в отстаивании структуралистского подхода к языку, провозглашенного Соссюром. И здесь позиция Ромма разделялась Реформатским. Вспоминая книгу Бахтина-Волошинова, он отмечал: «<...> в то время она нас мало затронула, потому что в ней так отчетливо сквозило <пропуск в расшифровке> так называемое направление. А это нам было чуждо. <...> <пропуск в расшифровке> – это такое олитературенное языковедение, которое главным образом изучает язык художественных произведений. И... А нам не то было нужно. Нам нужен был язык сам по себе, тот язык, о котором писал Соссюр в своем “Курсе”. Вот этим мы и занимались. Поэтому это нам было неинтересно» [13]. Заметим, что бахтинские идеи и в поздние годы не стали Реформатскому ближе (ср., например, свидетельство Р.М. Фрумкиной [50; 51]).

Если имя Ромма свидетельствовало о знакомстве Реформатского со структурализмом и социологизмом Соссюра, с его трактовками знаковой природы языка, то имя М.М. Кенигсберга означало воздействие совсем других направлений гуманитарной мысли первой половины XX века. В 1922–23 гг., как свидетельствует сам Реформатский в беседе с Дувакиным, наибольшее влияние из названной выше группы друзей на него оказывал Кенигсберг, с которым он не только “философствовал и играл в шахматы”, но благодаря которому познакомился с работами Г.Г. Шпета (Кенигсберг был любимым учеником Г.Г. Шпета, см. [52, с. 149]), а затем и с работами Э. Гуссерля. В 1975 г. Реформатский напомнит в письме к Р.О. Якобсону: “... ведь мы оба учились у Густава, пророка Эдмунда, на Руси” [24, с. 29]. Это уже был выход к важнейшей школе тогдашней философии – феноменологии.

О непосредственных контактах Реформатского со Шпетом в МЛК сведений не сохранилось, хотя

Г.Г. Шпет с 1920 г. был почетным членом Круга и читал там доклад “Эстетические моменты в структуре слова” (см. например: [44, с. 363] – протокол доклада Шпета 14.III.1920). Но из воспоминаний Реформатского известно, что под влиянием М.М. Кенигсберга он вместе со своей женой Н.В. Вахмистровой (Реформатской)⁴ в 1923 г. прошел «два семинария Шпета в Институте слова. <...> Один назывался “От Декарта до наших дней”, а другой был специальный такой по книге Гуссерля <Logische Untersuchungen>. И я до сих пор ношу в себе большую благодарность тому, что я почерпнул из этих семинариев. В то время я также старательно штудировал “Логические исследования” Гуссерля, его же статью “Философия как строгая наука”. И вот весь этот комплекс для меня оказался весьма плодотворным в будущем» [13].

“Плодотворность” идей Гуссерля в явном виде проявится действительно “в будущем” – когда Реформатский в начале 1970-х гг. станет писать на темы общей семиотики. В статьях 1973 г. “Семиотические заметки” и “Приметы” в языке и их распознавательная и опознавательная роль» идеи Гуссерля в области типологии знаков используются как такая же безусловная основа семиотики, чем гораздо более известные в России идеи Соссюра и Ч. Пирса [54, с. 231, 235, 241].

Как видим, построения Гуссерля, основанные на совершенно иной методологии и иной национальной научной традиции, в научном мировоззрении Реформатского вполне органично соединились с идеями Соссюра. В еще большей степени это относится к влиянию Шпета, которое сказалось в трудах Реформатского значительно раньше, уже в работах издательского цикла, и не только в общесемиотических, но и в чисто лингвистических исследованиях.

Направление и характер влияния Шпета на деятельность всего МЛК были эскизно очерчены Р.О. Якобсоном: «Явственный отпечаток наложили на развитие М. л.к. в заключительную пору его жизни основы феноменологии языка в увлекательной трактовке Г.Г. Шпета, вызвавшей непримиримые споры о месте и границах эмпиризма и о роли семантики в науке о языке, о проблеме “внутренней формы”, поставленной Гумбольдтом <, > и о критериях разграничения поэтической и обиходной речи» [44, с. 367].

Шпетовское разграничение внутренних и внешних форм, действительно, отчетливо сказалось,

как показано в [3], на работах издательского цикла, хотя и не заняло в поисках и наследии Реформатского такого важного места, как у Г.О. Винокура или Н.И. Жинкина. Но ссылка на Гумбольдта может создать впечатление, что представить объем и характер воздействия данного разграничения на Реформатского и других лингвистов можно по более поздней книге “Внутренняя форма слова” [55], имевшей подзаголовок “Этюды и вариации на темы Гумбольдта”. Собственно, так не раз и поступали видные лингвисты. В.В. Виноградов в 50-х или начале 60-х сказал Реформатскому: “Ну я знаю, у вас ведь это идет от Шпета, от его книги о Гумбольдте” [13]. Так же думал и М.В. Панов, называя “Внутреннюю форму слова” “философской подосновой” московской фонологической школы [56]. Но Реформатский сам тогда же опроверг это мнение, ответив Виноградову: «... от Шпета, но нет, не от книги о Гумбольдте, а от “Эстетических фрагментов”» [13].

Это указание Реформатского имеет принципиальное значение для исследования направления и характера воздействия шпетовских идей. “Эстетические фрагменты” появились в 1922–23 гг., как раз тогда, когда Реформатский мог общаться со Шпетом в МЛК, когда занимался у него в Институте слова. Второй выпуск этой книги [57; 58], по существу, весь был посвящен лингвистической проблематике, и будущий исследователь идейных взаимоотношений Шпета и Реформатского найдет в нем обширный материал.

Здесь ограничимся указанием на то, что первый раздел части II “Фрагментов” назывался “Структура слова *ad usum aestheticum*” [58, с. 380]. Но сам термин *слово* понимался расширительно и применялся к языковым единицам чуть ли не любых уровней, специфика которых последовательно рассматривалась автором. “Эстетические фрагменты” ориентировали последователей на семиотический аспект языковых явлений. Получался как бы еще один “Курс общей лингвистики”, органически дополнявший положения “Курса” Соссюра. А то, что речь шла именно об эстетическом использовании языка, делало построения Шпета еще более привлекательными для Реформатского с его склонностью к изучению литературы, а также театра и музыки.

Заметим, наконец, что в круг тогдашних интересов и Кенигсберга, и Реформатского входила и герменевтика. В архиве Реформатского сохранилась рабочая тетрадь аспирантских лет (подробнее она будет рассмотрена в следующем разделе). В ней на л. 5 находим небольшой перечень, озаглавленный: «Библиография к “Герменевтике”

⁴ Любопытно, что Надежда Васильевна ранее училась в знаменитой Алферовской гимназии, в которой преподавал Г.Г. Шпет [53].

(указано М.М. Кенигсбергом)». А перед этим листом вложена карандашная записка: “Относительно герменевтики...”, на обороте которой уже почерком Реформатского написано: “Это записка – ответ М.М. Кенигсберга на какие-то мои пропозиции. 1923 г.”.

В этом также можно усматривать влияние Шпета, который еще в 1919 г. написал книгу о герменевтике [59] и затем неоднократно излагал ее идеи в своих курсах. Герменевтический подход не получил в отечественной лингвистике XX в. такого распространения, как семиотический. Но как раз в издательско-полиграфическом цикле Реформатского проблема понимания текста и читателем, и редактором занимала немалое место.

Таким образом, возникающий у Реформатского в 1922–1923 гг. интерес к Соссюру соединился с очевидным немецким философским влиянием, с характерной для Г.Г. Шпета трактовкой структуры знака и идей разграничения внутренней и внешней формы.

Как раз в это же время (отчасти в связи с потребностями практической работы) начинает формироваться еще одна область интересов молодого Реформатского. Это проблема письменного (и печатного) языка как самостоятельной системы, во многом отличной от языка устного. Пионером в ее исследовании стал в XX в. И.А. Бодуэн де Куртенэ. С его основополагающей работой “Об отношении русского письма к русскому языку” [60]⁵ Реформатский должен был познакомиться еще в университете. Название этого труда встречаем и в его уже упомянутой рабочей тетради аспирантских лет.

Но, пожалуй, самое глубокое и серьезное влияние на Реформатского оказывает здесь Г.О. Винокур – “близкий друг начиная с двадцать второго года и до его кончины в сорок седьмом году”, с которым они “вместе и преподавали, и работали в разных комиссиях, и просто дружили домами” [13], не только активный участник, но и председатель МЛК именно в 1922–1923 гг. [12].

Экземпляр ТРК Реформатский подарит Винокуру с такой дарственной надписью: «Г.О. Винокуру от автора. Дорогой Григорий Осипович! Ряд мыслей вашей “Культуры языка” послужили толчком для моей теории “графических защит”»,

изложенной среди прочего в этой книге – примите же сей скромный дар в знак единомыслия и моего глубокого к вам уважения. 19/X 34. А. Реформатский» [64, с. 61].

Винокура, как и Реформатского, интересовал не только собственно письменный язык, но особая его разновидность – печатный язык. Книга Г.О. Винокура, упоминаемая Реформатским, “Культура языка”, впервые была опубликована в 1925 г. [65] (второе, исправленное и дополненное ее издание – [66]). Но очерк этой книги, который прямо предвосхищал ТРК, – “Язык типографии” – появился уже в 1924 г. [67], последнем году существования МЛК.

Г.О. Винокур очертил здесь круг вопросов, которые в дальнейшем составят основу построения лингво-семиотической концепции описания письменного (печатного) языка: условность связи графики и фонетики, осознание “разнообразия начертательных форм для одной и той же буквы” как “вариантов” синонимического ряда, передающего “смысловые оттенки”; постулирование “системности” графического языка по аналогии с языком вообще, т.е. описание отдельных шрифтовых особенностей через параметр “соотнесенности элементов” – “шрифт может вносить особые оттенки смысла речи только тогда, когда он дан на фоне ряда *других* шрифтов” (выделено Г.О. Винокуром – *Е.И.*); выделение для “начертательной формы” (устав, курсив, гротеск и проч.) и “пространственного размера” (петит, нонпарель, корпус, цитеро) “особых смысловых функций”; закрепление за техническими типографскими приемами “функции выделения жанра и стилистической дифференциации”; возможность характеризовать посредством полиграфических приемов не только “отдельные отрезки связной речи”, но и “всю эту связную речь в ее целом” [66, с. 224–225]. Сходство этого круга вопросов с ТРК очевидно.

“Единомыслие”, о котором говорится в дарственной надписи Реформатского, в значительной степени проявляется и в оценке обоими исследователями коммуникативных и структурных свойств заголовков в тексте.

Очерк Винокура, по-видимому, представляет собой первую собственно лингвистическую попытку описания “графического языка”. В скобках заметим, что к нему восходят и позднейшие исследования письменного языка в Пражском лингвистическом кружке (см., например, работы Й. Вахека [68, 69]).

Книга Винокура, успевшая выйти в более свободных условиях, чем ТРК, вскрывает значительно

⁵ В 1913 г. Бодуэн написал также статью “Знаки препинания” [61]. В этой статье, в частности, в состав знаков препинания включается и абзац. Реформатский не мог читать этой статьи во время учебы, поскольку впервые она была напечатана в 1963 г. Заметим, что Реформатский входил в редакционную коллегию, готовившую второй том избранных трудов Бодуэна. См. об этой работе [62; 63]

более глубокую перспективу связи исследований печатного текста и письменного языка с общими закономерностями развития лингвистики XX в.: “отходом от младограмматической лингвистики”; восходящем к Бодуэну [60] восстановлением правомочности исследования письменной формы языка как равноправного со звуком “внешнего на него <язык> указания” [60, с. 219]; с важнейшими работами по поэтике – “Русское стихосложение. Метрика” Б.В. Томашевского [70], “Рифма, ее история и теория” В.М. Жирмунского [71], “Проблема стихотворного языка” Ю.Н. Тынянова [72].

4. РАНИИОН. Проблема самоопределения

После окончания университета Реформатский поступил, говоря сегодняшним языком, в аспирантуру. Сам он вспоминал об этом так: «По окончании университета Дмитрий Николаевич Ушаков, как это говорилось по-старому, представил меня к оставлению для подготовки к... Но в это время дело изменилось. Был организован так называемый РАНИИОН <...> Вот там, ну, можно было пройти аспирантуру. Я попал в РАНИИОН. Там мы назывались “научные сотрудники второго разряда”, не аспиранты, тогда этого не было. <...> Моим научным руководителем был Дмитрий Николаевич Ушаков. Он же и возглавлял там лингвистическую <секцию>» [13]. Здесь же он несколько раз называет как дату начала своих аспирантских занятий 1923 г. Однако в автобиографии он указывает 1924–1925 гг. [6, с. 584]. Правильной, по-видимому, является именно последняя датировка, так как РАНИИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) была образована по решению Ученого совета Наркомпроса 15 мая 1924 г. В ее структуру была включена и ранее существовавшая Лингвистическая секция основанного в 1921 г. Института языка и литературы. С весны 1923 г. секция была преобразована, и ее председателем стал Д.Н. Ушаков. В написанном им кратком очерке деятельности Лингвистической секции сообщается, что “по предложениям Коллегии Института и в связи с предубаждениями Президиума Ассоциации Лингвистической секцией 1) был установлен объем требований, которые должны предъявляться аспирантам в научные сотрудники II разряда по лингвистической секции для производства коллоквиумов по разным специальностям; 2) выработаны общие программы по отдельным специальностям (утвержденные потом Коллегией Института) для тех же сотрудников, с примерным распределением занятий, по

предложению Коллегии, на три года; 3) составлялись планы семинарских занятий и заслушивались отчеты о занятиях сотрудников II разряда” [73] (цит. по: [74, с. 75]).

Всего в аспирантуре было четыре специальности – общее и сравнительное языкознание, романо-германское языкознание, русский язык и славяноведение. Из очерка Д.Н. Ушакова известен план занятий внутри каждой специальности. Приведем программу по специальности “Русский язык”, по которой Реформатский, вероятнее всего, занимался.

“III. По специальности русского языка должны быть изучены история русского яз., старославянский яз., один южнославянский, один западнославянский яз., русский литературный яз., современный русский яз. (великорусский, белорусский и украинский) с диалектологией и проработаны один вопрос по общему языкознанию и один по сравнительному славянскому. Применительно к избранной теме должны быть изучены два дополнительных вопроса из области русской литературы (древней или новой), палеографии, этнографии, фольклору; по годам программа может распределиться следующим образом:

1-й год. История русского языка, старославянский яз., южный слав. язык, западный слав. язык.

2-й год. Современный русский язык, литературный русский язык, вопрос по общему языкознанию, вопрос по сравнительному славянскому языкознанию.

3-й год. Первый дополнительный вопрос, второй дополнительный вопрос, работа над специальной темой.

Примечание. Занятия по истории русского языка должны состоять в разработке нескольких вопросов по памятникам и во всестороннем изучении двух избранных памятников языка; по литературному языку – в изучении языка отдельных писателей или отдельных литературных произведений” [73; 74, с. 76–77].

В архиве сохранилась уже упоминавшаяся в предыдущем разделе тетрадь, которую Реформатский начал во время своих аспирантских занятий. Эта тетрадь в картонной обложке содержит 24 листа, заполненных с обеих сторон преимущественно фиолетовыми и синими чернилами. Часть записей сделана простым и синим карандашами. Датировка ее устанавливается по дате дарственной надписи на л. 1. (25.XII.23) и по позднему

авторскому указанию на 1-й странице обложки: “1924–1928”⁶.

На 1-й странице обложки позднее Реформатский написал краткий перечень того, что содержится в тетради: «1. Учебные программы. 2. Рассуждения о языке. 3. Мысли о сюжете, композиции, стилистике. 4. Анализ лексики “Капитанов” Гумилева. 5. Соображения по словообразованию». Уже этот перечень позволяет представить себе диапазон занятий и интересов Реформатского тех лет. Не менее показательны и записанные в тетрадь библиографические списки. Пространные перечни источников по истории русского языка (“указания” Д.Н. Ушакова – л. 5об–7об) и литературы о болгарском и старославянском языках (л. 2об–14, “указания А.М. Селищева”) характеризуют уровень требований, предъявлявшихся в аспирантуре РАНИИОН. А вот открывающийся словами “надо прочесть” список на л. 2. явно говорит о широте собственных устремлений аспиранта Реформатского. Здесь и новейшие тогда работы зарубежных лингвистов и философов (А. Marty, F. de Saussure, Ch. Bailly, A. Sechehaye, Vendryes), и отечественные языковеды (Н.В. Крушевский, Л.В. Щерба), и классические труды по поэтике, риторике и стилистике (Аристотель, Квинтилиан, А. Бэн). Есть в тетради обсуждения высказываний Э. Гуссерля, Г. Пауля, А.А. Потебни, К. Фослера.

Полный анализ и публикация материалов тетради – дело будущего. Для данной статьи наиболее существенно, что в ней сделана запись, свидетельствующая о глубоком и осознанном интересе Реформатского к специфике письменной формы речи. Находится она между упомянутыми списками “указаний” Д.Н. Ушакова и А.М. Селищева, а, значит, заведомо относится к периоду аспирантуры, т.е. 1924–1925 гг. Приведем эту запись полностью:

«“Am=, In= oder Auslaut” – пример морфологической “самости”. Нет, впрочем, скорее другое: ср. “Проф= и Коминтерн”. Это значит только то, что если не все говоримое передашь графически, то и не все “написанное” передаешь фонически. Некоторые графемы лучше содействуют смысловым дифференциациям, чем фонемы. Напр. скобки () – соответственно интонируются в речи, но скобки {<>} (объединяющие) не имеют соответствующего фонического знака. Также двойные скобки и т.д. То же относительно всех вообще

математических знаков. (Кстати: 1) Какая часть речи “плюс” и т.д. в контексте “пять плюс шесть равно 11”? 2) Слова написанные цифрами (5, 7, 12, $\sqrt{\quad}$ и т.д.) – иной тип графики, чем наш нормальный, не фонетический, а лексикологический.)

Еще напр. “” (кавычки) интонационно не маркируются (“характерное” произнесение слов, помещенных в кавычки, конечно не порочит этого утверждения). Сравнить в санскрите <...> (iti) – особое словечко, маркирующее собственную речь⁷ [ср. в казахском: imic].

Вообще надо исследовать: обозначение обозначаемое/обозначающее фонически/графически, а не как обычно иерархически: переводя графику на звук и дальше к смыслу. Звук ничем не ближе к “смыслу” и к понятию слова, чем графема.

Особо важна графическая маркировка в поэзии: например, маркировка стиха и т.д.

Особо: Ни речь, ни фонограф не могут запечатлеть один момент: маркировку целостности структуры произведения, хотя бы и развертывающегося и данного во времени, но обладающего целостной сосуществующей структурой (Nebeneinander) – это можно маркировать только графически». (Тетрадь, л. 8об–9об, сохранена авторская пунктуация).

Это рассуждение, отчеркнутое от соседних записей и явно существующее как самостоятельное высказывание, очень характерно для научных поисков Реформатского той поры. Здесь объединены основные темы, интересующие его в этот период: и интерес к звучанию, фонетике, и утверждение равноправия письменной формы языка со звучащей речью, просматривается и проблема типов письма, и морфология, и специфика стиха.

Наконец, совершенно особый лингвистический интерес представляет выдвинутая здесь идея “целостности структуры произведения, хотя бы и развертывающегося и данного во времени, но обладающего целостной сосуществующей структурой”. Здесь предвосхищено базисное для ТРК понятие *текста*. А проблема “графической маркировки” этой целостной структуры будет рассматриваться как одна из важнейших задач технической редакции, и именно как инструмент для ее обеспечения вводится теория “контекста”.

Процитированное рассуждение 1924–1925 гг. можно считать началом издательско-полиграфического цикла, зародышем будущей лингво-

⁶ Тетрадь находится в домашнем архиве М.А. Реформатской. Пользуюсь случаем выразить Марии Александровне глубочайшую признательность за возможность использования архивных материалов.

⁷ *iti* – так (в конце прямой речи, при цитатах, в конце перечисления предметов, в конце главы или сочинения – [75, с. 107]. В тетради слово записано и в транскрипции, и на санскрите, здесь мы воспроизводим только транскрипцию.

семиотической теории печатного текста. В тетради оно одиноко, но на л. 1 позднее в качестве эпиграфа вынесена такая фраза: “Переход с языка фонетики на язык графики есть прежде всего (эти два слова вписаны) перевод категории времени в категорию пространства”. Она заключена Реформатским в кавычки, так что, возможно, перед нами цитата. Но после кавычек на отдельной строке проставлена дата – 12/X 29, которая свидетельствует: даже если это чужая мысль, она была настолько важна для Реформатского, что он считал нужным запомнить дату знакомства с нею и выписать именно на той тетради, где содержалось процитированное рассуждение 1924–25 гг. Так или иначе, но с 1924–25 гг. и до октября 1929 г. “язык графики” оставался предметом интереса и раздумий молодого ученого.

5. Завершение занятий литературоведением и окончательное оформление лингвистических интересов

Помимо рассматриваемых объединений и учреждений, Реформатский в 1920-е гг. в той или иной мере участвует в деятельности едва ли не всех существовавших тогда научных организаций, имевших отношение к лингвистике, и сам постоянно затевает всевозможные кружки и семинары.

Студентом он посещает Московское Лингвистическое общество “в Доме Ученых, которое еще организовал когда-то Поржезинский Виктор Карлович” [13]. Время существования общества как раз совпало с университетскими годами Реформатского (1918–1923), в нем он мог общаться со всеми оставшимися в Москве корифеями Фортунатовской школы (см.: [5, с. 350–351]).

Сразу после окончания университета в июне 1923 г. Реформатский организует вместе с О.М. Бриком, М.А. Петровским, Л.П. Гроссманом и своими университетскими товарищами на “университетских дрожжах” кружок по морфологии анекдота [13].

Очень важным для научного становления Реформатского было его “внештатное” [25, с. 147] участие в работе ГАХН (Государственной Академии художественных наук). По его позднейшей характеристике, “... начиная с двадцать второго – двадцать третьего года и до конца двадцатых годов самый интересный центр философской и филологической мысли Москвы был так называемый ГАХН” [13].

Философские и лингвистические поиски ГАХН в значительной степени определялись влиянием Г.Г. Шпета, являвшегося вице-президентом академии. Именно с ГАХН связаны после окончания университета все литературоведческие замыслы Реформатского. Они, как и в университетские времена, складывались в контакте с М.А. Петровским. «В это время как раз к двадцать восьмому году, значит, был юбилей столетний Толстого. И вот мы нашей компанией <...> решили сделать сборник, уже не машинописный, а печатный. И договорились о нем, печатании этого сборника в “Никитинских субботниках”. Редактором мы просили быть Михаила Александровича Петровского. <...> В ГАХНе мы докладывали некоторые из тех статей, которые были предназначены для этого сборника <...> я докладывал экстракты большой пятилистовой работы “Структура сюжета у Толстого”. Так что этим я отдал последнюю дань своим увлечениям новеллой и прочим сюжетным делам. К сожалению, наш сборник не вышел. И статьи эти частью были где-то потом напечатаны, ну, а частью умерли, просто полегли, вроде как моя статья о сюжете Толстого» [13].

Упоминаемое исследование о сюжете Толстого, как и аналогичная работа о Достоевском, увидели свет лишь через 60 лет, уже после смерти их автора [76; 77].

Работы по структуре сюжета, безусловно, укрепляли интерес Реформатского к “целостности структуры произведения”, о которой он писал в заметке из аспирантской тетради, процитированной в предыдущем разделе. А пополнением своего лингвистического багажа, углублением своей лингвистической компетенции Реформатский, как можно полагать, во многом был обязан возникшему “в середине 20-х годов” дружескому кружку ДАРС – “научному центру, названному так по инициалам участников: <С.И.> Дмитриев, <Р.И.> Аванесов, Реформатский, <В.Н.> Сидоров” [25, с. 15].

В это время Аванесов и Сидоров еще были студентами и вместе с аспирантом Реформатским слушали лекции А.М. Селищева по чешскому языку: “<...> каждую неделю мы собирались, спорили, дискутировали, а тут было о чем поговорить, потому что в это время только начинался Пражский кружок и первый выпуск его <трудов> был в двадцать девятом году. Как раз вот в это время в Праге кипела жизнь, и мы постепенно начинали с ней знакомиться. А из всех направлений западной лингвистики Пражская школа была нам наиболее близка, вот, нашим воззрениям” [13].

Члены ДАРС планировали коллективно написать “Основы языковедения”: “Аванесов писал фонетику, Дмитриев – лексику, я (Реформатский. – *Е.И.*) – морфологию (с идеей полиморфем!), а Сидоров – синтаксис” [25, с. 15]. И хотя “Основы языковедения” написаны не были, но сам Реформатский недаром считал, что именно ДАРС и есть начало будущей МФШ [25, с. 15]. Р.И. Аванесов вспоминал, что они с В.Н. Сидоровым пришли к изучению фонологической системы языка через диалектологию, а Реформатский пришел к той же проблематике через свои полиграфические занятия: “Реформатский рано стал работать в издательствах. Он был техредом – техническим редактором, а потом даже занимался оформлением книг. Уже в тридцатых годах Александр Александрович написал прекрасную большую книгу, где обобщил свой опыт техники оформления книги. Он там затрагивал вопросы *графики, орфографии* и вообще вопросы *семиотики*. Вот из этих прикладных областей А.А. Реформатский также пришел к вопросам фонологии” [78, с. 216–217].

Чрезвычайно важно, что для Реформатского фонология уже в эти ранние годы была принципиально семиотична. Это обстоятельство указывает на генетическое родство интереса Реформатского к фонологии с его раздумьями над графической составляющей письменного текста. У него формируется единый общесемиотический подход к этим явлениям: “<...> фонология восстановила права лингвистические на звуковую сторону языка. Вот об этом мы и думали. И это было для нас самым основным. А параллельно мы занимались всеми теми прикладными результатами, которые из этого тезиса вытекают. Конечно, сюда всецело относились вопросы алфавитные, орфографические, транскрипционные и так далее. И этим мы уже занимались в начале тридцатых годов. <...> что изучает фонолог? Он изучает не саму природную материю языка, как это любили говорить, а ее семиотическое использование в языке. Поэтому, как и вся лингвистика, эта часть должна быть семиотична, пронизана семиотикой и исходить из того, что фонемы – это *<пропуск в расшифровке>* знаки диакритики, неполноценные знаки, но, тем не менее необходимые, без которых язык не существует. Вот этому и посвящена была наша деятельность и вот в начале тридцатых годов, и позднее, когда мы все объединились на общей работе” [13].

Все названные научные контакты, многочисленные и разнообразные, создают тот сложный фон, на котором формируются и развиваются взгляды А.А. Реформатского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аванесов Р.И., Панов М.В.* Александр Александрович Реформатский // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского / Отв. ред. Р.И. Аванесов и Ф.П. Филин. М., 1971.
2. *Виноградов В.А.* Александр Александрович Реформатский (1900–1978) // *Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика / Отв. ред. Г.В. Степанов; сост. В.А. Виноградов. М., 1987. С. 5–19.
3. *Иванова Е.А.* Лингво-семиотическая теория печатного текста А.А. Реформатского (по материалам работ издательско-полиграфического цикла 1930-х годов): Диссертация ... канд. филолог. наук. М., 2009.
4. *Ремнева М.Л., Соколов А.Г.* История организации филологического факультета Московского университета и становление его структуры // Филологический факультет Московского университета: Очерки истории. Изд. 3, испр. и доп. / Под общей ред. М.Л. Ремневой. М.: Изд. Моск. ун-та, 2007. С. 5–28.
5. *Кочергина В.А.* Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания // Филологический факультет Московского университета: Очерки истории. Изд. 3, испр. и доп. / Под общей ред. М.Л. Ремневой. М.: Изд. Моск. ун-та, 2007. С. 337–390.
6. *Мельчук И.А.* Памяти Александра Александровича Реформатского (16.X.1900 – 3.V.1978) // *Мельчук И.А.* Русский язык в модели “Смысл–Текст”. Москва–Вена: Школа “Языки русской культуры”, Венский славистический альманах, 1995. С. 583–593.
7. *Реформатская Н.* Из воспоминаний студенческих лет (1919–1924) // Вопросы литературы. 1982. № 4. С. 106–113.
8. *Минералов Ю.И.* Сакулин Павел Петрович // Русские писатели, 1890–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 453–455.
9. *Сакулин П.Н.* Синтетическое построение истории литературы. М., 1925.
10. *Сакулин П.Н.* Социологический метод в литературоведении. М., 1925.
11. *Сакулин П.Н.* Теория литературных стилей. М., 1927.
12. *Баранкова Г.С.* Материалы к истории Московского лингвистического кружка // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность / Отв. ред. С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова. М.: Научный мир, 1999.
13. Беседа В.Д. Дувакина с А.А. Реформатским 24 ноября 1973 / Расшифровка Т.В. Жуковой // Научная библиотека МГУ. Отдел фонодокументов. Копия из архива М.А. Реформатской.

14. *Якобсон Р.О., Винокур Г.О.* Переписка / Публикация, подготовка текста и примечания С.И. Гиндина и Е.А. Ивановой // НЛО. 1996. № 21. С. 72–111.
15. *Петровский М.А.* Композиция новеллы у Мопассана // Начала. 1921. № 1. С. 106–127.
16. *Ханзен-Лёве Оге А.* Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М.: Языки русской культуры, 2001. 672 с. (Studia philologica).
17. *Петровский М.А.* Морфология Пушкинского “Выстрела” // Проблемы поэтики / Сб. под ред. В.Я. Брюсова. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. С. 169–204.
18. *Петровский М.А.* Композиция “Вечного мужа” // Достоевский (сборник). Труды Государственной академии художественных наук. Литературная секция. Вып. 3. М., 1928. С. 115–161.
19. *Реформатский А.А.* Опыт анализа новеллистической композиции. М., 1922.
20. *Реформатский А.А.* Опыт анализа новеллистической композиции. [Изд. 2] // Семиотика. М.: Прогресс, 1983.
21. *Реформатский А.А.* [При участии *Каушанского М.М.*] Техническая редакция книги. Теория и методика работы / Под ред. Д.Л. Вейса. [М.]: Гос. изд. легкой промышленности, 1933.
22. *Реформатский А.А.* Из “дебрей” памяти (Мемуарные зарисовки) / Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания М.А. Реформатской / Новый мир. 2002. № 12.
23. *Панов М.В.* Дмитрий Николаевич Ушаков: Жизнь и творчество. Изд. 2 // *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 742–775.
24. *Реформатская М.А.* Из переписки Р.О. Якобсона с Н.В. и А.А. Реформатскими // Материалы международного конгресса “100 лет Р.О. Якобсону”. М., 1996. С. 23–30.
25. *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии (очерк) // *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. С. 7–120.
26. *Валюженич А.В.* Осип Максимович Брик: Материалы к биографии. Акмола: Нива, 1993.
27. *Reformatssky A.A.* An essay on the analysis of the composition of the novel // 20th century studies. Russian formalism. Canterbury. 1972. Dec. 7/8. P. 85–101.
28. *Реформатский А.А.* [Рец. на:] Виноградов В.В. Стиль петербургской поэмы “Двойник” // ЛЕФ. 1923. № 2. С. 153–154.
29. *Брик О.М.* Звуковые повторы // Сборники по теории поэтического языка. Вып. II. Пг., 1917. С. 24–62.
30. *Брик О.М.* Звуковые повторы [Изд. 2] // Поэтика, I–II: Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919. С. 58–98.
31. *Брик О.М.* Ритм и синтаксис // Новый ЛЕФ. 1927. № 3. С. 15–20; № 4. С. 23–29; № 5. С. 32–37; № 6. С. 33–39.
32. *Якобсон Р.О.* Осип Максимович Брик // *Валюженич А.В.* Осип Максимович Брик: Материалы к биографии. Акмола: Нива, 1993. С. 182–183.
33. *Равич Р.Д.* Список научных трудов Александра Александровича Реформатского // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 18–25.
34. *Шкловский В.Б.* Воскрешение слова. 1914.
35. *Шкловский В.Б.* Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Вып. II. Пг., 1917.
36. *Леонтьев А.А.* Предисловие // *Якубинский Л.П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986.
37. *Якубинский Л.П.* О звуках стихотворного языка. 1916.
38. *Якубинский Л.П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986.
39. *Маяковский В.В.* 13 лет работы. Т. 1 и 2. М.: Вхутемас, 1922.
40. *Реформатский А.А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 208–215.
41. *Карапетян Г.К., Шварцкопф Б.С.* Пунктуация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Изд. 2. М., 1998. С. 406–407.
42. *Шварцкопф Б.С.* Современная русская пунктуация: Система и ее функционирование. М.: Наука, 1988.
43. *Гиндин С.И.* Друзья в жизни – оппоненты в науке // НЛО. 1996. № 21. С. 59–71.
44. *Якобсон Р.О.* Московский лингвистический кружок / Подготовка текста, публикация, вступительная заметка и примечания М.И. Шапира // Philologica. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 361–379.
45. *Гиндин С.И.* Первый конфликт двух поколений основателей русского стиховедения // НЛО. 2007. № 86. С. 64–69.
46. *Шапир М.И.* [Вступительная заметка] // *Якобсон Р.О.* Московский лингвистический кружок / Подготовка текста, публикация, вступительная заметка и примечания М.И. Шапира // Philologica. 1996. Т. 3. № 5/7.
47. *Гаспаров М.Л.* “Письмо о судьбе” Александра Ромма // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994.
48. *Тоддес Е.А., Чудакова М.О.* Первый русский перевод “Курса общей лингвистики” Ф. де Соссюра

- и деятельность Московского лингвистического кружка // "Фёдоровские чтения 1978". М., 1981. С. 229–249.
49. Ненаписанная рецензия А.И. Ромма на книгу М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова "Марксизм и философия языка" / Подготовка текста, публикация, вступительная заметка и примечания А.Л. Беглова и Н.Л. Васильева // *Philologica*. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 199–216.
 50. *Фрумкина Р.М.* Вечнозеленое дерево теории: памяти Ю.А. Шрейдера // *Человек*. 1999. № 4.
 51. *Фрумкина Р.М.* Наша *Geistesgeschichte* в лицах и эпизодах (Рец. на кн.: *Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005) // *НЛЮ*. 2005. № 73.
 52. *Кенигсберг М.М.* Из стихологических этюдов. Анализ понятия "стих" // *Philologica*. 1994. Т. 1. № 1/2. С. 149–189.
 53. *Реформатская М.А.* Юные годы ровесников века // *Человек*. 1993. № 3. С. 130–154.
 54. Из неизданного лингво-семиотического наследия А.А. Реформатского / Публикация и подготовка текста Е.А. Ивановой // *Русский язык в научном освещении*. 2005. № 1(9). С. 235–246.
 55. *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М.: ГАХН, 1927.
 56. *Панов М.В.* Московская лингвистическая школа. Учителя. Лекция № 4 // *Русский язык*. 2004. 3–4. (Библиотечка учителя).
 57. *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты. II–III. Пг.: Колос, 1923.
 58. *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты. Изд. 2 // *Шпет Г.Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 345–374.
 59. *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы / Подгот. текста и публ. А.А. Митюшина и Е.В. Пастернак // *Контекст* 1989. М.: Наука, 1989. С. 231–268; *Контекст* 1990. М.: Наука, 1990. С. 219–259; *Контекст* 1991. М.: Наука, 1991. С. 215–255; *Контекст* 1992. М.: Наследие, 1992, 1993. С. 251–284.
 60. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.
 61. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Знаки препинания // *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Том II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
 62. *Щерба Л.В.* Бодуэн де Куртенэ (Некролог) // *Известия отделения русского языка и словесности*. Т. 3. Кн. 1. М., 1930.
 63. *Виноградов В.В.* И.А. Бодуэн де Куртенэ // *И.А. Бодуэн де Куртенэ*. Избранные труды по общему языкознанию. Том I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
 64. *Реформатская М.А.* "Как в ненастные дни собирались они часто": Г.О. Винокур в архиве Н.В. и А.А. Реформатских // *Литературное обозрение*. 1997. № 3.
 65. *Винокур Г.О.* Культура языка: Очерки лингвистической технологии. М.: Работник просвещения, 1925.
 66. *Винокур Г.* Культура языка. Изд. 2, испр. и доп., М.: Федерация, 1929.
 67. *Винокур Г.О.* Язык типографии // *Журналист*. 1924. № 14. С. 32–35.
 68. *Вахек Й.* К проблеме письменного языка // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.
 69. *Вахек Й.* Письменный язык и печатный язык // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.
 70. *Томашевский Б.М.* Русское стихосложение. Метрика. Пг.: Academia, 1923.
 71. *Жирмунский В.М.* Рифма, ее история и теория. Пг.: Academia, 1923.
 72. *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. Вып. 2, 3, 5.
 73. *Ушаков Д.Н.* Краткий очерк деятельности лингвистической секции научно-исследовательского Института языка и литературы (1921–1927) // *Ученые записки Института языка и литературы РАНИИОН*, 1927. Т. 1. С. 128–133.
 74. *Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. Составление и комментарии В.Н. Базылева и В.П. Нерознака / Под общей редакцией проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001.*
 75. *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь. М.: "Русский язык", 1987.
 76. *Реформатский А.А.* Структура сюжета у Толстого // *Лингвистика и поэтика* / Отв. ред. Г.В. Степанов; сост. В.А. Виноградов. М.: Наука, 1987. С. 180–259.
 77. *Reformatskij A.* The composition of F'edor Dostojevskij's novel *The Gambler* // *Reformatskij A.* Selected writings: Philology, linguistics, semiotics. Moscow: Progress, 1988. P. 365–376.
 78. *Аванесов Р.И.* Из истории Московской фонологической школы (фрагменты беседы). Публикация Н.Е. Ильиной // *Русский язык в научном освещении*. 2005. № 1(9). С. 214–228.